

Александр Амфитеатров

Virtus Antiqua
(Оруженосец)

Александр Валентинович Амфитеатров

Virtus Antiqua (Оруженосец)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2783985

Аннотация

«Ну, годочки
Беруть свое... Вѣдь мнѣ за пятьдесятъ,
Прекрасная графиня!.. Я, бывало,
Какъ съ графомъ были мы въ Святой Землѣ,
Одинъ ходилъ на шестерыхъ невѣрныхъ...
Теперь – дай Богъ убрать и четверыхъ!
А все-таки – не хвастаюсь, мадонна! —
Изъ вашихъ вѣрныхъ латниковъ никто
Помѣряться со мной не въ состоянъи.
Молокосось народъ! До стариковъ
Имъ далеко: мы крѣпкаго закала,
Надежнойковки...»
Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Дѣйствующія лица

4

**Александр Валентинович
Амфитеатров
Virtus Antiqua
(Оруженосецъ)
*Святочная Легенда***

Дѣйствующія лица

Сильвія, Галеотто, Уго, Тереза, Ланчелотто¹.

Мѣсто дѣйствія: замокъ графини Сильвіи въ горахъ близъ Амальфи.

Эпоха – первая четверть XIII века.

* * *

Сцена изображаетъ обширный залъ норманской постройки: смѣсь византійскаго стиля съ мавританской

¹ Распредѣленіе ролей при постановкѣ въ Александринскомъ театрѣ: В. А. Мищурина (Сильвія), И. А. Стравинская (Ланчелотто), Р. Б. Аполлонскій (Галеотто), В. П. Далматовъ (Уго).

пестротой, первобытной грубости съ восточною роскошью. Въ глубинѣ терраса съ портикомъ витыхъ колоннъ открываетъ видъ на горы и Салернскій заливъ. Изъ зала выходы направо и налево: два – по лѣстницамъ – на террасу, и, подъ одною изъ этихъ лѣстницъ, потайная дверь.

Тереза и Уго, – въ латахъ, – выходитъ изъ потайной двери.

Тереза.

Входите, добрый Уго!.. Только – тише!
Какъ можно тише!

Уго. *Спотыкается.*

Ахъ, сто чертей!

Тереза.

Благодарю покорно!
Какой вы котъ?! Медвѣдь лѣсной!

Уго.

А ты
Обуй кота, какъ я обуь, въ желѣзо,
Да и пусти по мрамору гулять:

Не выручать и бархатныя лапки!
А ну-ка – по секрету: для чего
Такая осторожность?

Тереза.

Я не знаю.

Мнѣ ведено графинею привести
Вась въ замокъ тайнымъ ходомъ подь опаской,
Что, если кто провѣдаетъ о томъ,
Она и носъ и уши мнѣ обрѣжетъ...

Уго. Проваль меня возьми, коль по душѣ
Таинственность мнѣ эта! Тамъ, гдѣ тайны,
Нечистый самъ сидитъ недалеко.

Тереза.

Молчите, Уго! вотъ сама графиня...

Сильвія входитъ.

Уйди, Тереза!.. Здравствуй, богатырь!

Тереза удаляется.

Уго.

Жду приказаній вашихъ я, мадонна.

Сильвія.

Я поручить намѣрена тебѣ
Большое дѣло, гдѣ на ставкѣ будетъ
И честь моя, и жизнь твоя...

Уго.

Ого!
Когда для васъ – въ чемъ я не сомнѣваюсь
Настолько же честь ваша дорога,
Какъ жизнь свою цѣню я, нашу ставку
Двойную не окупить цѣлый міръ!

Сильвія.

По-прежнему ль ты силенъ?

Уго.

Ну, годочки
Берутъ свое... Вѣдь мнѣ за пятьдесятъ,
Прекрасная графиня!.. Я, бывало,
Какъ съ графомъ были мы въ Святой Землѣ,
Одинъ ходилъ на шестерыхъ невѣрныхъ...
Теперь – дай Богъ убрать и четверыхъ!
А все-таки – не хвастаюсь, мадонна! —
Изъ вашихъ вѣрныхъ латниковъ никто

Помѣряться со мной не въ состояннѣ.
Молокосось народъ! До стариковъ
Имъ далеко: мы крѣпкаго закала,
Надежной ковки...

Сильвія.

Вѣренъ ли ты мнѣ?

Уго.

Я вамъ служу, мадонна. Значить, вѣренъ.

Сильвія.

И можно положиться на тебя?

Уго.

Мадонна! Я солдатъ – солдатъ наемный,
Безъ родины, безъ дома, безъ семьи.
Насъ двое въ міръ: я и мечъ вотъ этотъ.
Отчизну мы находимъ тамъ, гдѣ намъ
Живется ладно, весело, привольно,
Гдѣ за труды намъ платятъ хорошо.
Намъ честно платятъ, – мы и служимъ честно.
Заплатятъ скупо – мы рукой махнемъ,
И маршъ къ тому, кто насъ казной поманить, —
И завтра, можетъ быть, какъ на врага,

На прежняго ударимъ господина!
Вы платите прекрасно, – и слуга
Я вѣрный вамъ, пока надежна плата.

Сильвія.

Вотъ золото. Возьми.

Уго.

Благодарю.
Итакъ... кого же!

Сильвія.

Что?

Уго.

Къ отцамъ отправить?!

Сильвія.

Ты думаешь, разбойникъ...

Уго.

Виновать!

Предположилъ, синьора, по привычкѣ.
Не новость мнѣ, я старый воробей!
Когда какой-нибудь господчикъ знатный,
Иль госпожа прекрасная, какъ вы,
Зовутъ для совѣщаній потаенныхъ
Солдата съ беспощадною рукой
И золото ему горстями сыплють,
Имъ, значить, надо мечъ его купить...

Сильвія.

Ты... угадай...

Уго.

У васъ есть врагъ?

Сильвія.

Смертельный!

Уго.

И надо мстить?

Сильвія.

На смерть.

Уго.

Вашъ кошелекъ
Успѣль съ мечомъ моимъ перешепнуться,
И въ гробъ вобъемъ мы вашего врага! Когда?

Сильвія.

Сейчасъ!

Уго.

Гдѣ ждать?

Сильвія.

На этомъ мѣстѣ.

Уго.

Тѣмъ лучше, что недалеко ходить.
Его примѣты? имя?

Сильвія.

Галеотто.

Уго.

Гмь... Это тотъ прїѣзжій господинъ,
Вашъ гость? Подите же, какъ просты люди!
Мы думали: красавецъ-женишокъ
Наклонулся графинъ, – анъ графиня,
Взамънъ постели брачной, бѣдняка
Въ могилу согрѣваться посылаетъ!
А жаль его, мадонна!.. Молодецъ!
Кулакъ – гранить! плеча косая сажень!
Какъ папа, пьетъ и – ни въ одномъ глазу!
Какъ соръ, швыряетъ золото на кости...
И – надо быть – на женщинъ ловокъ!

Сильвія.

Да.
За это и умереть онъ.

Уго.

Безразлично,
За что! Вы заплатили – онъ умереть!
Теперь вопросъ: кому еще довѣрить
Вы можете изъ латниковъ своихъ?

Сильвія.

Зачѣмъ?

Уго. Здоровь и крѣпокъ Галеотто...
Не одолѣть его мнѣ одному.

Сильвія.

Ты хвастался, что четверыхъ невѣрныхъ
Тебѣ въ бою подѣ силу повалить?

Уго.

И я не лгу. А ну – какъ на пятерку
Выходитъ онъ?

Сильвія.

Нѣтъ! третьяго вмѣшать
Нельзя въ такую тайну...

Уго.

Что за важность?
Убьемъ врага, а «третьяго» – потомъ
За Галеотто вслѣдъ отправить можно...

Сильвія.

Разбойникъ! Какъ? Невиннаго? Да ты
Христіанинъ ли?

Уго.

Да. И ваше счастье,
Что нынче вамъ рука моя нужна.
Ни даже за три тысячи цехиновъ
Я завтра вамъ не продалъ бы ее.
Мой вѣрный мечъ – къ услугамъ общимъ въ будни,
Но въ праздникъ отдыхаетъ онъ въ ножнахъ,
Я жъ о своихъ молюся прегрѣшеньяхъ...
Покуда пьянъ къ обѣду не напьюсь!
А завтра день – изъ праздниковъ-то праздникъ:
Святое Рождество. И лучше я
Повѣсить на глаголь себя позволю,
Чѣмъ мечъ свой въ этотъ праздникъ обнажу
На рыцаря единой съ нами вѣры.
Мой уговоръ: едва лишь зазвонятъ
Къ вечернямъ, ваше золото пропало!
Я мечъ вложу въ ножны и прочь пойду.
Итакъ, скорѣй товарища назначьте
Въ подмогу мнѣ.

Сильвія *a parte.*

Что, если я сама,
Никто другой?

Уго.

Вы не робки, мадонна?

Сильвія.

Нѣтъ.

Уго.

Крови не боитесь?

Сильвія.

Нѣтъ.

Уго.

Свалить

Не то, что Галеотто, – Геркулеса,

Ребенокъ можетъ; сзади подошелъ —

Разъ! – и конецъ. Когда бъ вы захотѣли

Присутствовать...

Сильвія.

Такъ что же?

Уго.

Онъ влюбленъ.

Легко вамъ усыпить его вниманье

Кокетствомъ, шуткой, пѣсенкой живой

И всякую тамъ женской чертовщиной.

Я-жь – тутъ какъ тутъ – и вырасту врасплохъ!

Сильвія *задумчиво.*

Пять лѣтъ покрыть позора пеленой

Нашъ древній родъ по злобѣ Галеотто.

Развратникъ, онъ, лисица, лицемѣрь, —

Невиннаго ребенка соблазнитель!..

Сестра Ассунта! дурочка моя!

Гдѣ солнышко тебя, сиротку, грѣть?

Покинутую, кто тебя лелѣть,

Коль ты еще могилой не взята?

Уго.

Какъ не взята? Вы бредите, мадонна!

Не самъ ли я – на этихъ вотъ плечахъ

Несь гробъ ея къ безвременной могиль?

Со мною рядомъ шель родитель вашъ,

Покойный графъ. Былъ день такой дождливый, —

И со слезами горестныхъ очей

Мѣшались слезы неба на ланитахъ

Богатыря, сраженнаго судьбой.

Съдыхъ волосъ намокшія косины

Висѣли на лобъ. Бороду свою

Онъ закусилъ и, медленно кивая
Поникшею главою, лепеталъ
Безумныя и страшныя проклятья
И кулаками тучамъ угрожалъ.

Сильвія.

Но всѣ тѣ умерли, кто похороненъ,
Любезный Уго!.. гдѣ моя сестра,
Что съ ней, жива или нѣтъ, никто не знаетъ.
Но вѣрно, что въ безвременномъ гробу,
Который ты отнесъ къ сырой могилѣ,
Ассунта не лежала никогда.

Уго.

Вотъ ужъ чему и въ сказкѣ бѣ не повѣрилъ!
Да какъ же...

Сильвія.

Слушай. Былъ печальный день...
Вошелъ отецъ съ опухшими глазами
И говорить: «Ассунта умерла
Внезапно въ ночь чумной заразы жертвой».
Напрасно я родителя молила:
– Хоть издали дай видѣть мнѣ сестру
Позволь послѣднимъ поцѣлуемъ въ вѣчность
Мнѣ проводить любимицу мою!

– Нельзя! нельзя! погибельна зараза.
А ты одна осталась у меня...
Итакъ, сестры я мертвой не видала
И почести лишь гробу отдала.

Уго.

Ба! въ самомъ дѣлѣ, вѣдь графини тѣла
Никто изъ дворни не видалъ, а гробъ
Самимъ былъ графомъ глухо заколочень.

Сильвія.

Съ той ночи сталъ отецъ хворать и старѣть,
И въ годъ его свела въ могилу скорбь.
Но въ смертный часъ, принявъ отъ капеллана
Послѣднее напутствіе, меня
Онъ подозвалъ остекленѣлымъ взоромъ...
«Другъ Сильвія, есть тайна у меня...
Ея и духовникъ не знаетъ, дочка...
И есть наслѣдство – мечь!.. Принять должна
Ты отъ меня и тайну, и наслѣдство.
Знай, что сестра твоя не умерла:
Она бѣжала съ подлымъ Галеотто...
Мой честень родъ; въ немъ не было распутныхъ
И – да не будетъ! Мертвой объявилъ
Ассунту я и гробъ пустой поставилъ
Въ замковомъ склепѣ»... Отпусти, Господь,
Невольное намъ это святотатство!

Уго.

Могу сказать: хорошія дѣла!

Сильвія.

«Найди сестру и накажи злодѣя»!
Таковъ отца послѣдній былъ завѣтъ.
«Но тайно мсти – хитро и осторожно!
Злодѣйство, въ тайнѣ сдѣланное, пусть
И тайное возмездіе получитьъ.
Когда же будетъ нуженъ человекъ,
Которому довѣриться ты можешь,
То вспомни Уго – латника. Рука
Его надежна, сердце безпощадно,
И онъ молчать умѣетъ!»...

Уго.

Добрый графъ
Зналь хорошо людей, мадонна. Правда:
Въ чужихъ дѣлахъ я нѣмъ, какъ рыба-китъ!
Такое наше ремесло, мадонна:
Покуда не убилъ, болтать опасно,
Пожалуй, укокошатъ самого.
Когда-жъ... того... заказъ уже исполненъ,
Разбалтывать совсѣмъ резона нѣтъ:
Законъ вѣдь глупъ, возьметъ да и повѣситъ!..

Итакъ, мадонна, поздравляю васъ:
Коли жива сестрица, то найдется;
А съ Галеотто справимся, Богъ дастъ.

Сильвія.

Пусть будетъ, какъ ты хочешь. Галеотто
Я ласкою лукавой обойду
И нѣгою въ немъ чувства успокою.
Когда же онъ въ любовномъ полуснѣ
Забудется...

Уго.

Меня вы позовете,
И я ударю... Мечъ то у него.
Для вѣрности, мадонна, отберите.

Сильвія.

Я слышу говоръ.
Кто-то къ намъ идетъ.
Пройди туда – въ мою опочивальню...

Уго скрывается.

Тереза входитъ.

Мадонна! тамъ отъ графа Галеотто
Пришелъ оруженосецъ, или пажъ —
Не разберу: какъ есть, еще мальчишка.
Онъ съ порученьемъ; хочеть видѣть васъ.

Сильвія.

Введи его.

Входитъ Ланчелотто.

Ланчелотто.

Колѣна преклоняя
Предъ вашею небесной красотой,
Мой господинъ привѣтъ вамъ посылаетъ
И вмѣстѣ извиненье, что его
Въ обычный часъ нѣтъ при особъ вашей.
Съ утра мы съ господиномъ по болотамъ
Травили вепря дикаго, и вотъ
Еще нѣтъ часа, какъ заполевали
Чудовище. Весь кровью обагрень,
На ваши очи графъ не смѣлъ явиться,
Но черезъ часъ онъ вновь у вашихъ ногъ...

Сильвія.

Благодарю и графа извиняю,

Синьоръ оруженосецъ. Вѣдь не пажъ,
Оруженосецъ вы, судя по знакамъ?

Ланчелотто.

О, да, мадонна.

Сильвія.

Мальчикъ вы еще,
А ужъ героя славнаго товарищъ!

Ланчелотто.

Товарищъ – нѣтъ: слуга вѣрнѣйшій – да.

Сильвія.

Вы скромны. Честь вамъ дѣлаетъ смиренье.
Давно ли вы при графѣ?

Ланчелотто.

Пятый годъ.

Сильвія.

Какъ странно! Я не помню васъ...

Ланчелотто.

Не диво.

Я въ замкъ вашемъ въ первый разъ, синьора.

Сильвія.

Пять летъ назадъ, вашъ храбрый властелинъ
Гостиль у насъ...

Ланчелотто.

Ахъ, къ сожалѣнью, чести
Служить ему тогда я не имѣлъ.
Но вашу доброту, синьора, рыцарь
Нерѣдко со слезами вспоминаеть.
За Сильвію молиться научиль
Меня онъ раньше многими годами,
Чѣмъ счастливъ былъ я Сильвію узнать.

Сильвія.

Вотъ какъ, синьоръ? Итакъ, мы благодарность
Запишемъ въ списокъ доблестей его,
Безчисленныхъ и блещущихъ, какъ солнце.

Ланчелотто.

Да! блещущихъ какъ солнце, госпожа
Прекрасная! Во всемъ подлунномъ мѣрѣ
Вамъ рыцаря достойнѣй не найти
Храбрѣй, честнѣе и любви вѣрнѣе.

Сильвія.

Вы любите патрона своего,
И я хвалю васъ, юноша, за это.
Что-жъ до любви касается... увы!
Позвольте вамъ не вѣрять.

Ланчелотто хочетъ остановить ее. Сильвія, со смѣхомъ, продолжаетъ:

Слишкомъ часто
Слыхала я стоустую молву
О ветренномъ красавцѣ Галеотто,
Измѣнчивомъ, какъ синяя волна;
О женщинахъ, которыхъ завлекали
Обѣты и ласкательства его
Въ раскаянія поздняго оковы.
Слыхала я, что рыцаря корабль —
Веселая тюрьма прекрасныхъ плѣнницъ,
Съ сирійскихъ увезенныхъ береговъ:
Слыхала: есть какая-то Ассунта...
Ахъ! имя — мнѣ печальное, синьоръ!
Сестру имѣла я... ее такъ звали.

Скончалась...

Ланчелотто. (*Голосъ его дрожитъ*).

Горе ваше, госпожа,
Нашло въ моемъ смиренномъ сердцѣ эхо.
Что дѣлать? Всѣ мы будемъ тамъ... А смерть
Не разбираетъ молодыхъ и старыхъ, —
Всѣхъ жнетъ подъ-рядъ губительнымъ серпомъ!

Овладеваетъ собою.

Но какъ вы ошибаетесь, мадонна!
Свидѣтель — я. Съ тѣхъ поръ, какъ поручилъ
Я жребій свой синьору Галеотто,
Я неразлученъ съ нимъ и день, и ночь.
Нѣтъ, мы на корабли не прячемъ плѣнницъ,
Да не было у насъ ихъ и въ шатрахъ!
Мечты я знаю графа; знаю имя,
Которое одно онъ повторялъ,
Когда въ никомидійскомъ карантинъ,
Окованный горячкою, въ бреду
Метался онъ, мадонна! Это имя
Проклято сарацинами. Тотъ часъ,
Когда, какъ Божій громъ, надъ полемъ битвы
Оно гремѣло, — былъ побѣды часъ
Для рати христіанской. Львомъ голоднымъ
Бросался графъ на орды мусульманъ,
Священное то имя возглашая,

И мечъ его былъ молнія. Кругомъ
Разсѣченныя падали турбаны,
И мы на трупахъ ставили свой стягъ.
Въ честь...

Сильвія.

Въ чью же честь, синьоръ оруженосецъ?

Ланчелотто *низко кланяется,*

Въ честь Сильвіи...

Сильвія *a parte.*

Мальчишка нагло льститъ!

Таковъ слуга; каковъ его хозяинъ.

Вслухъ.

Вы, можетъ быть, ослышались, синьоръ?
Ассунты, а не Сильвіи...

Ланчелотто.

Ассунты?

Вторично ваши алыя уста

Назвали мнѣ невѣдомое имя...

Ассунты я не знаю никакой

И не пойму, о комъ вы говорите.

Сильвія *a parte.*

Смутился онъ... дрожить... позеленѣлъ...

И на языкъ его свинець ложится...

Все ясно мнѣ, предатели!

Вслухъ.

Не больше – я, синьоръ оруженосецъ!

Извѣстенъ вамъ обычай вѣковой?

Когда вернется рыцарь къ дамѣ сердца,

Она его испытывать должна

Коварными уловками – въ бесѣдѣ

Ловить его, какъ рыбку, на крючокъ,

Чтобы онъ самъ или его дружина

Проговорились объ измѣнахъ тайныхъ,

Сокрытыхъ далью моря и годовъ.

Обычай этотъ старый исполняя,

Я первое вамъ имя назвала,

Какое въ мысли мнѣ просилось. Знаю,

Что графъ – мой вѣрный рыцарь и носилъ

Мои цвѣта съ достоинствомъ и честью...

А вы, мой милый, стоите его!

Мы видимся впервые. Чтобы память

Вы о знакомствѣ нашемъ сберегли,

Прошу принять васъ эту цѣпь.

Ланчелотто.

Мадонна...

Сильвія.

Безъ возраженій.

Ланчелотто преклоняетъ коленно. Сильвія надѣваетъ ему на шею цѣпь. Потомъ – Терезъ.

Доложите мнѣ

Немедленно, какъ только графъ пріѣдетъ.

Удаляется, сопровождаемая своими женищинами.

Ланчелотто.

О, Господи! Еще одно мгновенье,

И выдало бъ меня мое смущенье...

И я бъ на шею бросилась сестрѣ!..

Какъ хороша она! Царицей смотреть, —

Да много-ль и царицъ такихъ? Увы!

Не диво, что ее такъ вѣрно любить

Мой гордый графъ мой богъ, мой властелинъ!

Что это, злоба? Новое, Ассунта!

Владѣй собою: глупо и смѣшно

Пылинкѣ смертной ревновать богиню!

Вѣдь я ничто въ сравненіи съ сестрой:
Гдѣ Сильвія, – тамъ нѣтъ уже Ассунты!
Дано ей все: и чудо-красота,
И смѣлый умъ, и гордая осанка,
И рѣчь какъ нить жемчужная, и сердце,
Окованное мѣдною броней...
А мнѣ? Даровъ немного у Ассунты:
Любить... терпѣть... молчать...
Пять долгихъ лѣтъ,
Безъ жалобъ, безъ потребности участія,
Ношу въ груди страданія любви,
Не выдала ни словомъ ихъ, ни вздохомъ!
«Эй, мой Давидъ прекрасный! – кличетъ графъ:
Тоска меня заѣла, какъ Саула...
Возьми-ка лютню спой канцону въ честь
Мадонны Сильвіи!..» Ха-ха-ха-ха! Пою!..
Пою – сама себѣ на посрамленье!
Сама себѣ вонзаю въ сердце мечъ,
И кровь по немъ бѣжитъ – за каплей капля...
Я стыну... леденѣю... а пою!
Зачѣмъ она спросила объ Ассунтѣ, —
И странно такъ? «Вы, можетъ быть, синьоръ,
Ослышались: не Сильвіи, – Ассунты?»...
Шутила? Нѣтъ, не шутить никогда
Напрасно Сильвія...
Слова пріязни
Произносили алыя уста,
Но взоръ сверкалъ стальнымъ недобрымъ блескомъ,
Неискренне звучали похвалы...

Меня считают мертвою. Родитель
Умѣль спасти честь рода своего!
Но если Сильвіи открыль онъ тайну,
Что пусть мой драгоцѣнный саркофагъ,
И я живымъ блуждаю привидѣньемъ,
Гонясь за милымъ призракомъ любви?..
Меня узнать нельзя: смолы чернѣ
Мои когда-то золотыя кудри,
Обожжено румяное лицо
Лучами солнца, вихрями пустыни,
Арабскій мечъ мнѣ щеку изрубиль,
Грудь юную тяжелый панцырь давить...
Когда ужъ графъ меня не узнаеть,
Сестрѣ ль узнать? Но что-то мнѣ неясно
Мерещится... И слуги говорятъ,
Что находили связь людскія сплетни
Между отѣздомъ графа въ край святой
И скорою кончиною Ассунты...
Что, если вѣрять Сильвія, и графъ
Въ глазахъ ея – мой хитрый обольститель,
Убійца, дома нашего позоръ?
Тогда... страшить меня хрустальный холодъ
Ея, таящихъ замыслы, очей...
Въ ней месть кипить, ея рука не дрогнетъ
Ножомъ ударить, ядомъ напоить...
О, Господи! Помилуй Галеотто!..

Уго выглядываетъ.

Уго *a parte.*

О чемъ парнишка этотъ бормоталь?

Выходить.

Не вздумаль бы онъ шляться тутъ помѣхой...
Эй, ты! Пріятель!

Ланчелотто.

Чѣмъ могу служить?

Уго.

Ого! Ты, малый, хорошо воспитанъ!
Я, хоть солдатъ, а вѣжливость люблю,
То есть, чтобъ вѣжливы со мною были.
У графа служишь?

Ланчелотто.

Да, синьоръ.

Уго.

Синьоръ?!
Клянусь Мадонной, мальчикъ мнѣ по нраву.

Рубець откуда этот?

Ланчелотто.

Сарацинь...

Подъ Агрою... мечомь...

Уго.

Смотри, пожалуй!

Да ты, пріятель, чудо-удалець!

Ударь мечомь въ лицо – отличие храбрыхъ,

Подобной раны не получить трусь...

А вѣдь, – прости, – глядишь совсѣмь дѣвчонкой:

Одѣть фату – хоть замужь выдавай!

Ланчелотто.

Меня за храбрость хвалите напрасно

Вы, добрый Уго...

Уго.

Уго? Чортъ возьми!..

Ланчелотто *въ сторону.*

Ахъ, я проговорилаь...

Вслухъ.

Вся свита графа только и твердить
О храбромъ Уго латникъ графини,
Который сталь ломаетъ, какъ щепу,
Одинъ идетъ на шестерыхъ невѣрныхъ... Что
Уго вы, широкія плеча
Сказали мнѣ и этотъ мечъ тяжелый:
Другимъ такой игрушки не поднять.

Уго.

О, хвостъ, рога, копыта Вельзевула!
Да я во всей подсолнечной гремлю?!
Ты говоришь, меня у графа знаютъ?

Ланчелотто.

И очень хвалять.

Уго.

Можетъ быть... самъ графъ?!

Ланчелотто.

Еще вчера онъ говорилъ: когда бы

Послалъ мнѣ Богъ въ отрядъ десятокъ Уго,
То заплясалъ бы гордый Саладинъ,
И были бѣ мы давно въ Ерусалимѣ!

Уго.

Сто двадцать вѣдьмъ и сорокъ Люциферовъ!
Такъ говорилъ онъ?!

Ланчелотто.

Да.

Уго.

Достойный рыцарь!
Отличный баринъ!.. Вотъ моя рука.
Ты отъ меня скажи ему спасибо!
Ты понимаешь: латникъ я простой
Шестокъ свой знаю твердо и къ синьору
Съ незванной рѣчью самъ не подойду.
Но ты скажи, что Уго благодарень.
И, если бы случилось графу быть
Въ большой бѣдѣ, то благодарный Уго...

Сдохватился.

Ахъ, чортъ возьми!..

Ланчелотто.

Что съ вами?

Уго.

Ничего...

Ну, словомъ, моль – спасибо, графъ, спасибо!

Рогъ за сценой.

Ланчелотто.

Чу, затрубиль на башнѣ часовой.

Должно быть, графъ. Прости, спѣшу навстрѣчу.

Уходитъ на галлерею.

Уго.

Эхъ, лесть-то, лесть что дѣлаеть съ людьми!

Мальчишка хвалить, – я развѣсилъ уши,

Защиту графу чуть не обѣщаль

Противъ... своей же собственной особы!

Ха-ха-ха-ха!.. А все-таки его

Мнѣ крѣпко жаль, и шевелится совѣсть...

Аль отказаться? Гмъ... А кошелекъ

Мадонны Сильвіи? Вотъ онъ... Червонцы блещутъ,

Звеняць и между пальцами скользять...
Я вижу ихъ – и видеть мнѣ пріятно.
Ихъ щупаю – и щупать очень сладко.
А совѣсть я могу-ль ущупать? Нѣтъ.
А кто видалъ, какого цвѣта совѣсть?..
Никто. Безцвѣтна, бѣдная, она,
Беззвучна и на-ощупь недоступна.
И подь нее не дасть въ закладѣ жидь
Ни одного истертаго цехина.
Ни даже кварталы кислаго вина
За совѣсть не нальетъ мнѣ цѣловальникъ.
– Урсула! Поцѣлуйте старика!
«Ахъ, пьяный шутъ! А деньги гдѣ?!» – Нѣтъ денегъ,
Но совѣсть есть... «Такъ совѣсть и цѣлуй,
А отъ меня проваливай подальше...»
Нѣтъ! Совѣсти надежнѣй кошелекъ.
Онъ вещь для всѣхъ, она синьоровъ роскошь,
Онъ другъ, она лишь пугало, которымъ
Богатые страшатъ бѣдняковъ,
Чтобъ мы порѣже брали ихъ за горло.
Ребенкомъ былъ я – буки не боялся
И совѣсти теперь не побоюсь!
На то и мечъ повѣшенъ у солдата,
Чтобъ добывать вино, любовь и злато!

Быстро уходитъ въ опочивальню Сильвіи.
Сильвія и Галеотто спускаются съ террасы.
Галеотто.

Да, Сильвія! Сейчас, иль никогда!
Рѣшайте. Жду и трепещу рѣшенья!
Скажите «да», и – свой булатный мечъ
Повѣшу я на гвоздь лѣниво ржавѣть,
И заблеститъ соединенный гербъ
На башняхъ и воротахъ этихъ замковъ.
Когда же «нѣтъ», – опять въ морской просторъ
Умчитъ меня сегодня бѣлый парусъ.
Предъ вами, какъ преступникъ, я стою:
Велите казнь, – вотъ голова на плахѣ!
Велите милость, – подниму главу
Гордеѣ, чѣмъ въ коронѣ королевской!

Сильвія.

А что бы сами вы велѣли, графъ,
Когда бъ вы были Сильвія, а я
Графъ Галеотто?

Галеотто.

Я бы такъ поставилъ
Вопросъ: люблю я графа?

Сильвія.

Если нѣтъ?..
Постойте – не блѣднѣйте: для примѣра
Мы только говоримъ.

Галеотто.

Тогда бы я
Сказалъ себѣ: Хоть не люблю я графа,
Но ничего и противъ не имѣю.
Хоть говорятъ, что дикъ онъ и суровъ,
Но я его суровымъ не видала,
И предо мною онъ – смиренѣй овцы.
Меня онъ любить... Господи! Какъ любить!
Сильнѣй любить не можетъ ужъ никто.
Кого жъ мнѣ ждать еще, какого принца?

Сильвія.

Однако, рыцарь... Если – есть кого?

Галеотто.

Тогда скорѣй мнѣ имя назовите:
Я уши обрублю тому, кто смѣль
Межъ нами стать.

Сильвія *смѣется.*

Напрасно горячитесь, —
Свободна я. Мнѣ безразличны всѣ.

Галеотто.

О, Сильвія! Холодное вы сердце!
Вамъ шутка все – и ревность, и любовь!
У вашихъ ногъ я плачу, задыхаюсь;
Я по ночамъ не сплю, толкуя смыслъ
Въ загадкахъ словъ, небрежныхъ и шутивыхъ,
Которыми сверкаетъ ваша рѣчь,
Какъ ожерелье – жемчугомъ восточнымъ!
Вамъ шутка все! Смѣетесь вы, Омфала,
Что сѣсть готовъ за прялку Геркулесь!
Вамъ нравится хребеть ручного тигра
Презрительною ножкой попирать!
Ну, что жъ? – топчи! Дразни, терзай и смѣйся
И... не люби... Но будь моей женой!

Сильвія.

Ха! Поговоримъ спокойно.
Вѣдь я не молода уже, мой другъ:
Пять лѣтъ назадъ, здѣсь въ этой самой залѣ
Вы говорили мнѣ слова любви.

Галеотто.

И былъ отвергнуть, и себя въ изгнанье
Далекое спровадилъ добровольно...

Сильвія.

Зачѣмъ тогда уѣхали вы?

Галеотто.

Но...

Сильвія.

Признаній вашихъ, графъ, не отвергала
Я наотрѣзь. Я отвѣчала вамъ:
Хоть не люблю я васъ, но уважаю;
Прикажетъ мнѣ идти за васъ отецъ,
Я и пойду. Быть можетъ, скоро юность
Меня любви научить, и тогда —
Какъ знать: не вы ль мой будете избранникъ?

Галеотто.

Да, да! «Хотя», «конечно» и «однако»...
И всяческихъ увертокъ милліонъ,
Что женская придумываетъ хитрость
Взамѣнъ простого «прочь пошелъ»!

Сильвія.

О, нѣтъ!
Не догадались вы, мой Галеотто...
А слѣдовало, слѣдовало ждать!

Я испытать хотѣла васъ терпѣньемъ,
Хотѣла приглядѣться къ вамъ, узнать,
Что вы за человѣкъ. Но вы сурово
Мой приняли отвѣтъ, умчались въ море,
Пять лѣтъ въ чужихъ скитаетесь краяхъ,
Ни вѣсти, ни письма отъ васъ... И я
Рѣшила, что меня вы не любили,
А просто прихоть тѣшили свою,
Мнѣ голову туманя объясненьемъ.

Галеотто.

Клянуся папой...

Сильвія.

Не клянитесь, графъ.
Святой отецъ далеко, не услышитъ.
Къ тому жъ – которымъ? Цѣлыхъ два теперь
У насъ вѣдь папы.

Галеотто.

Сильвія! Довольно!..
Уѣхаль я, бессмысленный, затѣмъ,
Что... Господи! Прости мнѣ, если тайну
Чужую долженъ я разоблачить!
Пять лѣтъ ее въ груди хранилъ я свято,
И этотъ мальчикъ даже, Ланчелоттъ,

Который всѣ мои къ вамъ слезы знаетъ,
О тайнѣ той ни звука не слыхаль...
У васъ была сестра?

Сильвія *не глядя на него.*

Была, Ассунта.

Галеотто.

Когда отъ васъ отверженнымъ уѣхаль
Я въ замокъ свой и, въ хмельномъ забытьѣ,
Влача, какъ цѣпь, отравленное время,
За днями дни пирами убиваль,
Однажды мнѣ Ассунта написала...
Мнѣ стыдно, но... подобнаго письма
Не получаетъ дважды въ жизни смертный!
Она писала: «Я люблю васъ»...

Сильвія *про себя.*

О!
Зачѣмъ ее писать мы научили?!.

Галеотто.

«Я знаю: вамъ сестра моя мила.
На бѣдную смиренницу Ассунту
Разсѣянный и равнодушный взглядъ

Ошибкой только бросите вы развѣ...
Я знаю: вы отвергнуты. Горда
И холодна сестра моя, какъ мраморъ.
А я?!. Когда бы предлагали мнѣ
Рай безъ тебя, иль вѣчный адъ съ тобою, —
То я бы въ адъ съ улыбкою пошла!
Возьми меня женою, иль рабою —
Мнѣ все равно! Я жду тебя... И ты,
Одинъ лишь ты – властитель мой до гроба!
Когда жъ не ты, сама я въ гробъ сойду!»

Молчаніе.

Сильвія.

И... что же вы отвѣтили?

Галеотто.

Признаюсь,
Что въ первую минуту я хотѣлъ
Вамъ отомстить и скромную Ассунту
Своей короной графской увѣнчать, —
Ей посвятить всю жизнь, весь грозный подвигъ
Могучихъ рукъ и звонкаго меча.
Но слава Богу! Я писать не мастеръ,
Прекрасная графиня. Точно дубъ
Рука моя становится, чуть буквы
Ей выводить приходится. И время,

Пока я за посланіемъ пыхтѣль,
Меня расхолодило. Я отвѣтилъ:
«Одно на синемъ небѣ ходитъ солнце,
Одна подъ солнцемъ Сильвія живетъ!»

Сильвія (*очень зло*).

Я слушаю. Прекрасно... Продолжайте!

Галеотто.

Простите мнѣ, мадонна. Бѣсъ силенъ, —
Ассунта же меня не оставляла
Любовью беззавѣтною своею.
Я каюсь: часто кровь моя кипѣла,
Когда передавалъ каналья-пажъ
Мнѣ отъ нея безумныя посланья.
Она была красавица... А я, —
Убить я былъ и жаждалъ утѣшенья...
Соблазна голосъ въ уши мнѣ шепталъ:
Не глупо ль предъ надменнымъ божествомъ
Напрасно расточать мольбы и жертвы,
Когда есть храмъ прекрасная душа,
Гдѣ самъ ты — богъ?! И, размышляя такъ.
Я понялъ, что сегодня или завтра
Меня лукавый одолѣетъ бѣсъ,
И, не любя, я сдѣлаюсь супругомъ,
Или... любовникомъ... и тоже — не любя...

Сильвія.

Вы смѣете...

Галеотто.

На мигъ еще терпѣнья.
Мадонна! Рыцарь я. Самъ императоръ
Коснулся шпагой этого плеча.
Я побѣдилъ нечистаго соблазны
И, распустивъ косые паруса,
Вдаль убѣжалъ, зажмурясь, безъ оглядки...
Вотъ все, мадонна, что могу сказать
Я въ оправданье моего отъѣзда...

Долгое молчаніе.

Сильвія.

Въ скитаньяхъ вашихъ не случилось вамъ
Слыхать о жертвѣ вашей... объ Ассунтъ?

Галеотто.

Нѣтъ, никогда. Два мѣсяца назадъ
Я свой корабль причалилъ у Таренто.
Мой другъ, тарентскій герцогъ, сообщилъ
Мнѣ слухъ, что вы совсѣмъ осиротѣли.

И вновь на волны бросилъ я корабль,
И полетѣлъ съ попутнымъ быстрымъ вѣтромъ.

Сильвія.

Извѣстно ли вамъ, рыцарь, отчего
Ассунта умерла?

Галеотто.

Чума, я слышаль...

Сильвія.

Ея чума – звалась любовью! Вы —
Ее чумою этой умертвили!

Галеотто.

О, Сильвія! Но я ли виновать?

Сильвія.

Винить васъ я не думаю, не смѣю...
Любовь свободна въ прихотяхъ своихъ.
Она – одно, въ чемъ лгать и лицемерить
Не властенъ самъ съ собою человекъ.
Мнѣ только жаль... Мнѣ жаль ее ужасно!

Галеотто.

Святые слезы эти разделить
Позвольте съ вами, Сильвія...

Сильвія.

Вамъ плакать
О ней?!

Галеотто.

Что съ вами?

Сильвія.

Нѣтъ... пустое... все прошло...
Хотите, графъ, я насмѣшу васъ? Очень —
До хохота – рассказомъ – насмѣшу?

Галеотто.

Я слушать радъ...

Сильвія.

Такъ вотъ... Гдѣ есть сосѣди,

Тамъ языки; гдѣ языки – тамъ сплетни...
Не знаю какъ, но только все, что вы
Мнѣ рассказали, всѣмъ давно извѣстно...

*Она внимательно смотритъ ему въ лицо: онъ отвѣчаетъ
ей изумленнымъ и простодушнымъ взглядомъ.*

И даже съ прибавленьями, мессирь!
Неосторожно бѣдная Ассунта
Довѣрилась пажамъ краснорѣчивымъ.
А тѣ позоръ ея на цѣлый свѣтъ
Ославили лакейской болтовнею...

Галеотто.

Смѣшного въ этомъ нѣту ничего.
За это убиваютъ!

Сильвія.

Есть смѣшное...
Вы знаете-ль, какая ходить сплетня
Ха-ха-ха-ха! – обидная для насъ,
Но – лестная для васъ... Сестра Ассунта,
По розказнямъ людскимъ, не умерла,
Но... ха-ха-ха! – за вами убѣжала...
И будто вы, графъ, неразлучны съ ней...
Не правда ли, забавно?

Галеотто.

Это гнусно!
Кто выдумаль?..

Сильвия.

А мы – покойный графъ
И я ха-ха-ха-ха! чтобъ скрыть отъ свѣта
Фамильный стыдъ, съ почетомъ гробъ пустой
Въ семейномъ склепѣ нашемъ схоронили!
Хотѣли плакать вы со мной, мессирь...
Зачѣмъ же вы со мною не смѣетесь?

Галеотто *топаетъ ногою.*

Какая подлость!

Сильвия *измѣряетъ его долгимъ взглядомъ.*

Да, вы
Правы, графъ:
Неслыханно бываютъ подлы люди!..
Но возвратимся къ прежнему... Итакъ,
Въ чужихъ краяхъ искали вы забвенья?

Галеотто.

Мадонна, я любовь свою нашель
Не для того, чтобы ее утратить.
Во всѣхъ странахъ прославлена она
Моимъ мечомъ и пѣсней менестрелей.
Всѣ знаютъ имя Сильвіи!..

Сильвія.

Вашъ пажъ
Разсказываль мнѣ это, Галеотто,
И я, повѣрьте, благодарна вамъ...
Откуда, кстати, взялся этотъ мальчикъ?

Галеотто.

Мой Ланчелотто – бѣдный сирота,
Но честнаго происхожденья. Гдѣ-то
Здѣсь, въ замкѣ подѣ Неаполемъ, живетъ
Его мерзавецъ-вотчимъ. Онъ ребенка
Побоями и скупостью довелъ
Почти до сумасшествія. Мальчишка
Изъ собственнаго дома убѣжалъ,
Какъ изъ тюрьмы колодникъ озвѣрѣлый...
Въ тотъ самый часъ, когда я покидалъ
Съ разбитымъ сердцемъ портъ амальфитанскій,
Онъ на маринѣ подошелъ ко мнѣ.
Босыхъ и черноглазыхъ оборванцевъ
Немало тамъ скитаются всегда...
Но этотъ вдругъ привлекъ мое вниманье

Какимъ-то грустнымъ разумомъ въ очахъ
И тихую, насильственную улыбку.
Онъ, со слезами, взять его молилъ
Въ заморскій путь: «Служить вамъ, какъ собака,
Я буду, графъ!» Среди моихъ матросовъ
И латниковъ не зналъ его никто:
Но я его очей повѣрилъ правдѣ,
И Ланчелотто сталъ моимъ слугой...

Сильвія.

Онъ очень преданъ вамъ.

Галеотто.

О, даже слишкомъ!
Сказать вамъ правду, онъ – изрядный трусь:
Дрожить, какъ листъ, едва засвищутъ стрѣлы
И загрохочетъ вражій барабанъ.
А между тѣмъ: когда съ окоповъ Агры
Насъ оттѣснилъ неистовый султанъ,
И мы – одинъ на пятерыхъ – рублились,
Я изнемогъ... Насѣли на меня
Невѣрные... Сверкаютъ ятаганы...
И вдругъ мальчишка этотъ, словно тигръ,
Прыгнулъ съ коня въ средину нашей схватки
И – принялъ мнѣ назначенный ударъ,
И замертво къ ногамъ моимъ свалился.
Тутъ подоспѣлъ съ толпою англичанъ

Король Ричардъ, и мы врага отбили.
Съ тѣхъ поръ мой тихій Ланчелотто сталъ
Мнѣ не слугою – другомъ. Я приблизилъ
Его къ себѣ. И – странно – почему
Особенно къ нему я привязался.
Онъ смугль, черноволося и черноглазъ,
А между тѣмъ напоминалъ онъ какъ-то
Мнѣ образъ вашъ... Не знаю, что, но есть
Въ его чертахъ вамъ родственное что-то.
Порою – взгляды, порою поворотъ
Лица, порою – тихая улыбка...
И даже голосъ странно мнѣ знакомъ,
Хоть вѣчно скорбью тайною отравленъ.
Я Ланчелотто полюбилъ за то,
Что Сильвіи нашель въ немъ отраженъе.

Сильвія *смѣется.*

Благодарю васъ. Ахъ, какъ лестно быть
Любимой – въ зеркалѣ. Вашъ Ланчелотто
Объ этомъ знаетъ?

Галеотто.

Да.

Сильвія.

И васъ ко мнѣ

Въ своей безмѣрной дружбѣ не ревнуетъ?

Галеотто.

Онъ молится на васъ, какъ я молюсь;
Онъ въ вашу честь канцоны сочиняетъ,
Молитвою кончаетъ онъ свой день:
«О, небеса! Меня вы накажите,
Но только дайте графу моему
Любовь мадонны Сильвіи!..»

Сильвія.

Счастливецъ!
Какъ любятъ васъ! За что?..

*Стоитъ, опершись на спинку кресла и отвернувъ лицо...
Нѣмая сцена... На небѣ понемногу разгорается вечерняя за-
ря, наполняя залъ своимъ отблескомъ.*

Ну, что жъ... Молитва
Его услышана. Я... ваша!

Галеотто.

Сильвія!

Сильвія.

Вѣдь я давно, давно тебя люблю!
Зачѣмъ такъ долго ты не возвращался?

Падаетъ въ его объятія.

Ахъ!

Галеотто.

Что съ тобою?

Сильвія.

Перевязь меча
Мнѣ руку оцарапала.

Галеотто.

О! Къ чорту —
И перевязь, и мечъ!

Снимаетъ мечъ и кидаетъ его на полъ.

Любовь моя!
Мгновенье это все вознаграждаетъ:
Пять долгихъ лѣтъ скитаній и труда,
Пять долгихъ лѣтъ отчаянья, сомнѣній,

Тяжелыхъ сновъ и горькихъ пробуждений!

Опускается къ ея ногамъ.

Дитя мое! Своей любви цвѣтокъ
Лелѣяль я подъ вражьими мечами
Его я кровью жаркою, слезами
Кровавыми слезами поливаль!
И выросъ онъ, привѣтенъ и роскошень,
И я въ рукахъ своихъ его держу...
Я окружень его благоуханьемъ,
Я царствую... Конецъ моимъ страданьямъ!

Кладетъ голову на колѣна Сильвіи. Уго быстро выглянулъ изъ опочивальни и, сдѣлавъ Сильвіи знакъ глазами, снова прячется. Сильвія играетъ волосами Галеотто.

Скажи мнѣ: не случилось никогда
Тебѣ бояться, что непрочно счастье,
Что мигъ одинъ звѣзда его горить;
А тамъ опять черно ночное небо
И вдвое гуще непроглядный мракъ?

Галеотто.

А мнѣ-то что? Мгновенье счастья – вѣчность.
О вѣчности жъ кто знаетъ, – коротка,
Или долга она? Я въ поцѣлуѣ

Твоемъ столѣтія переживаю.

Сильвія.

Скажи мнѣ: не случилось никогда
Тебѣ подумать, что на счастье надо
Купить права... хоть совѣстью покойной?

Галеотто.

Я и купилъ. Чиста моя душа,
На совѣсти и чести нѣту пятень.

Сильвія.

Скажи еще: быть можетъ, иногда
Ты вспоминалъ несчастную Ассунту?

Галеотто.

Что до Ассунты? Сильвія со мной!

Сильвія.

О, да съ тобой. Но въ голову твою
Не приходила мысль, что въ то мгновенье,
Когда найдешь ты счастья цвѣтокъ
И руку властную къ нему протянешь,

Ревнивая покойница придетъ,
Чтобъ отомстить тебѣ?

Галеотто.

Въ своихъ могилахъ
Спокойно спять умершіе. При томъ
Невиненъ я предъ бѣдною Ассунтой.
Я съ ней, какъ честный рыцарь, поступилъ.

Сильвія съ силой отталкиваетъ его такъ, что онъ падаетъ на локоть.

Ты лжешь!

Галеотто.

Что это значить?

Сильвія бѣжитъ къ мечу Галеотто и наступаетъ на него ногою.

То, – что месть
Нашла тебя, предатель!.. Уго! Уго!

Уго появляется въ дверяхъ опочивальни съ мечемъ наголо.

Убей его!

Галеотто стоитъ въ оцѣпённости.

Сильвія.

Развратный звѣрь! Ты думалъ
Меня рѣчей притворствомъ обойти
И нѣжныхъ взглядовъ ясною лазурью,
Что дьяволъ подарилъ тебѣ, – когда
Ты самъ не дьяволъ только, – чтобы подлость
Твоя казалась людямъ правотой?!
Ха-ха-ха-ха! Лукавство на лукавство!
Что, окунь мой? Попался на крючокъ?
Вы, графъ, хотѣли свадьбы, – будетъ свадьба!
Да только повѣнчаетъ – васъ мечомъ
Вотъ – этотъ человѣкъ....

Галеотто.

Безумство, греза!

Уго.

Молитесь, графъ, покуда время терпить...
Я бъ не желалъ такого молодца
Безъ покаянья къ праотцамъ отправить.

Галеотто.

Прочь, негодяй! Предательство! Измѣна!

Уго.

Эй, помолитесь, графъ!

Галеотто.

Пока могу, —

Я не молиться, защищаться буду!

Эй, помогите, — рѣжутъ! Эй!

Хочетъ схватитъ свой мечъ. Уго становится между нимъ и Сильвіей.

Сильвія.

Никто

Васъ не услышитъ, графъ.

Галеотто.

О, злая фея!

За что? За что?

Сильвія.

Еще ты лицемѣришь'?...

Графъ Галеотто! Гдѣ моя сестра?

Галеотто.

Причастіемъ клянусь, мнѣ неизвѣстно!

Сильвія.

Лжешь!

Галеотто.

Если правду говорили вы
Коварными намеками своими,
Что пусть ея порфирный саркофагъ,
Что я... Нѣтъ, нѣтъ! Все это слишкомъ гнусно!..
Невинень я, невинень! Дайте мечъ!
Священный мнѣ назначьте поединокъ...
Пусть божій судъ разсудитъ насъ!

Сильвія *холодно.*

Зачѣмъ?

Мы знаемъ, что оружіемъ владѣть

Графъ мастерски, и на-слово повѣримъ

Что нѣтъ бойца искуснѣ его...

Къ Уго.

Кончай же съ нимъ!

Уго.

Ну, графъ, – молиться поздно!..

Нападаетъ на Галеотто; тотъ защищается, отражая удары тяжелымъ табуретомъ. Сильвія, скрестивъ руки, холодно смотритъ на неравную борьбу. На террасъ показывается Ланчелотто и бросается на помощь графу.

Ланчелотто.

Остановись! Что дѣлаешь, разбойникъ?!

Повисаетъ на рукъ Уго.

Уго.

Мальчишка, прочь!

Бьетъ его по головъ, рукояткою меча.

Ланчелотто.

Графъ! Онъ меня убилъ!

Падаетъ. Уго наступаетъ на Галеотто, прижимаетъ его къ стѣнѣ и готовъ нанести послѣдній ударъ. Ланчелотто отчаяннымъ воплемъ.

Сестра!.. Голубка!.. Сильвія!.. Помилуй!
Не убивай!.. Невиненъ Галеотто!..
Сестра! Сестра!

Галеотто и Уго, въ изумленьи, прекращаютъ борьбу... Сильвія, страшно блѣдная, подходитъ къ Ланчелотто и разрываетъ воротъ его полу-кафтана.

Сильвія.

О, Боже мой!.. Ассунта!..

Ланчелотто.

Сестра моя, не зналъ онъ ничего...
Пять лѣтъ меня мужчиною считали...
Вѣрь графу: онъ меня не увозилъ.
Объятая страдальческой любовью,
Сама я странный жребій избрала...

Галеотто *хватается за голову.*

Слѣпецъ!

Уго.

Мнѣ кажется, что драку
Теперь мы можемъ прекратить, мессиръ:
Медаль перевернулась...

Ланчелотто.

Охъ, какъ тяжело!
Графъ! Гдѣ вы, графъ? Въ глазахъ моихъ темно...
О, пощади его, мой добрый Уго,
И смерть свою тебѣ я отпущу!..

Забывается.

Сильвія.

Блѣднѣеть... Губы сини... Нѣтъ дыханья...
Чуть слышно сердце... Умерла!..
Едва лишь найдена и – умерла!..
А онъ живетъ?! Нѣтъ, если ангель умеръ,
И дьяволу не жить... Бей! Бей его!

Она проникаетъ къ Ланчелотто. Голова Ланчелотто у нея на груди. Дальній благовѣстъ... Уго, поднявшій было руку, опускаетъ мечъ и, послѣ недолгаго колебанія, рѣшительно вкладываетъ его въ ножны. Колоколъ звонитъ до конца дѣйствія.

Уго.

Мадонна, поздно. Колоколь вечерній.
На землю сходить Божье Рождество.
Условье ваше кончено. Обь томь
Мечь положить обязань я въ ножны.
Когда угодно, послѣзавтра снова
Готовь служить. Сегодня жь ни за что!

Ланчелотто тихо стонетъ.

Сильвія.

Жива еще...

Галеотто.

Да, очи открываетъ.
Ахъ, если бы я могь подозрѣвать!..
Неслыханная сказка!.. Что за бездна
Любви ты, сердце женское!

Ланчелотто.

Мессирь.
Не гнѣвайтесь на Сильвію

Галеотто *становится на колѣни возль Ланчелотто.*

Ассунта!

Мнѣ ль гнѣваться?! Ея святая злоба
Понятна мнѣ теперь. За грѣхъ невольный
Мой долгъ у ней прощенія молитъ...
Мадонна! Я прошу васъ умиленно:
Простите мнѣ жестокою вину,
Въ которой рабъ вашъ безъ вины виновень.
Когда жъ преступень въ вашихъ я очахъ,
Свершить не бойтесь праведное мщенье.
Вашъ Уго здѣсь. Подъ острый мечъ его
Я голову склоню безъ колебанья.

Уго.

Нѣтъ, графъ, сегодня это не пойдеть!

Ланчелотто.

Другъ – Сильвія! Я не умѣла прежде
И негдѣ было выучиться лгать...
Прости его, голубка! Ничего-то
Не зналъ онъ ничего... Пять долгихъ лѣтъ!
Смягчи же взоръ, сверкающій сурово,
Дай руку мнѣ... и вы... Вотъ такъ, вотъ такъ!

Соединяетъ ихъ руки на своей груди.

Сестра... Мессирь... Благослови васъ Боже!

Хотѣла бы я прежде, чѣмъ умру,
Васъ увидать супругами...

Уго приближается и внимательно смотритъ на Ланчелотто.

Сильвія *отнимаетъ свою руку.*

Ассунта!
Немыслимо!.. Я мстить ему не стану...
Но между нами – кровь твоя...

Ланчелотто.

Забудь!
Все, все забудь! Прости! Когда бъ ты знала,
Какъ любить онъ тебя... Дай слово мнѣ,
Что станешь ты женою Галеотто,
И я спокойно въ вѣчность отойду!

*Сильвія молчитъ. Галеотто закрываетъ лицо руками.
Уго выступилъ впередъ.*

Уго.

Мадонна, графъ и вы, прекрасный мальчикъ,
Что такъ внезапно дѣвочкою стали!
Осмѣлюсь вамъ замѣтить: слишкомъ рано

Вы завѣщанье вздумали писать.
Отъ этакихъ по темени ударовъ
Коль не протянетъ ноги человѣкъ
По первому, такъ скажемъ, впечатлѣнью,
Такъ сто годовъ навѣрно проживеть.

Осматриваетъ голову Ланчелотто

Что тамъ у васъ?.. Хе-хе! Синякъ на славу!
Царапина... Кровь... Опухоль... Пустякъ.
Къ обѣднѣ завтра будете здоровы,
Какъ кардиналь. Теперь же маршъ въ постель!
Да рану-то виномъ омыть извольте
Съ Везувія...

Ланчелотто.

Я буду жить?! Жить... жить...
И васъ любить... обоихъ...

Сильвія.

Галеотто!
Да будетъ такъ. Когда моя сестра
Останется жива, – согласно волѣ
Ассунты – руку вамъ свою отдамъ.

Уго.

Повѣрьте мнѣ, – все заживетъ до свадьбы!

Сильвія.

А если нѣтъ...

Галеотто.

Тогда есть храбрый Уго
И мечъ его.

Уго.

Но только не подь праздникъ!

Сильвія и Галеотто поднимаютъ Ланчелотто. Онъ опирается на графа.

Ланчелотто.

Въ постель меня ведите...
Силы нѣтъ... И дрожь въ ногахъ...
Ага, мессирь! Вашъ глупый
Мальчишка Ланчелотто былъ опорой
И вамъ не разъ, когда съ пирушки шумной
Иль послѣ боя возвращались вы
Подь лагерный шатеръ стопой невѣрной...
Теперь за вами очередь служить

Оруженосцу вашему, мой рыцарь!..
Охъ, слабну я... Какой волшебный сонъ
Жизнь, Сильвія!..

Уго.

Виномъ-то не забудьте растереть!..
Остатокъ же, добрѣйшая мадонна,
Мнѣ можете пожертвовать: хвачу
Глотокъ другой съ великимъ наслажденьемъ
За здравіе больного... тьфу, – больной!..
Порядкомъ этотъ графъ меня умаялъ...

Галеотто съ сіяющимъ лицомъ возвращается.

Уго.

Два слова, графъ!.. Надѣюсь, на меня
Вы не въ обидѣ. Злобы къ вамъ, ей-Богу,
Я не питаль. Но ремесло такое
Проклятое!..

Галеотто.

Счастливъ ты, старый волкъ,
Что безъ меча я былъ...

Уго.

Благоразумье —
Сестра родная храбрости, мессирь.
Будь при мечѣ вы, я бы остерегся
Къ вамъ подступить. Такъ...

Съ низкимъ поклономъ протягиваетъ руку.

Primo, въ знакъ того,
Что на меня ничуть вы не сердиты,
Что милость ваша будетъ!
Secondo: за здоровье синьориты,
Такъ счастливо найденной нами вновь,
Что милость ваша будетъ!
И – terzo: за вашъ бракъ! Въ хвалу и честь
Мадонны Сильвии, съ которой вскорѣ
Васъ обвѣнчаетъ толстый капелланъ! —
Что милость ваша будетъ...

Галеотто.

Ты, шутъ сѣдой, и дерзокъ, и забавень...
Вотъ кошелекъ! Напейся чортъ съ тобой!

Уго *подхватывая кошелекъ.*

А съ вами – ангелы. Когда бъ не Рождество,
Плохое бы вамъ, графъ, досталось торжество.
Благодарю, мессирь. Мой вамъ совѣтъ послѣдній:

Мадоннѣ заказать три сорока обѣдней...

Галеотто уходитъ. Уго вынимаетъ кошелекъ Сильвіи и пересыпаетъ въ него золото Галеотто. Къ публикѣ.

Пожива знатная. А главное, что вновь:
И золото въ кошнѣ, и не пролито крови!

Занавѣсъ. Колоколъ продолжаетъ звонитъ.

КОНЕЦЪ.